ИСЛАМО-ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Л.А. Баширов

Диалог религиозный, межконфессиональный предполагает дискуссии, переговоры, консультации, обсуждение вопросов межконфессиональных отношений, урегулирования конфликтов, выработку основ для заключения соглашений, для координации действий, сотрудничества в различных сферах жизни общества и т.д.

Диалог ведется в целях достижения взаимопонимания и установления социально-политического, этноконфессионального согласия. Формами политического диалога являются: парламентские дебаты, дипломатические переговоры, согласительные комиссии, конференции, «круглые столы» и др.

Однако диалог следует понимать не только как форму обмена мнениями в целях достижения консенсуса, но и как принцип социальной жизни, как политический инструмент, без которого любая общность людей катастрофически дезинтегрируется. Отсутствие или ограничение диалога как приоритетного принципа функционирования социума и власти характеризует их антидемократическую, тоталитарную сущность.

Межконфессиональный диалог – это не просто общение теологов различных конфессий, где обсуждаются религиозные догматы или ведется сравнительный анализ источников, толкований и религиозной практики. Любой диалог в сфере конфессиональных отношений является важным элементом внутренней и внешней государственной политики, имеющим специфическую стратегию и тактику.

Гармонизация межнациональных отношений в современной России во многом зависит от гармонизации межконфессиональных отношений. Один из известных западных теологов-модернистов Г. Кюнг отмечал, что мира между нациями не может быть без мира между религиями. А мира между религиями не может быть без диалога между ними[1]. Если бы национальные меньшинства могли решать проблемы сохранения и развития своих национальной культуры, языка, политического суверенитета светскими, демократическими средствами, то для религии осталось бы меньше места в решении этого злободневного и сложного национального вопроса.

Таким образом, диалог между православием и исламом в условиях современной России выходит за рамки проблемы чисто конфессиональной, отчетливо приобретая общеполитическую значимость.

Актуализация такого диалога связана с коренными изменениями в политической и духовной жизни народов на всем постсоветском пространстве. Это во-первых, выдвижение религиозного фактора на роль в большей или меньшей мере определяющего политическую обстановку в бывших советских республиках. Как известно, среди неславянских народов бывшего СССР слитность национального и религиозного всегда воспринималась как норма, поэтому в эпоху суверенизации и бурного пробуждения национального самосознания традиционная конфессия стала главным фактором духовного и политического единения нации.

Во-вторых, четко обозначившаяся тенденция усиления влияния религиозного фактора, возрастания его роли в жизни общества. В условиях идейного плюрализма именно религия обладает наибольшей мобилизующей силой: религия – не только интимное дело каждого, но и существенная часть цивилизации, она воспитывает и объединяет людей одного вероисповедания и культуры. И чем больше народ обеспокоен судьбами своей цивилизации, тем легче политикам удается в собственных политических целях использовать способность религии объединять и мобилизовывать народ.

В-третьих, рост политического и духовного влияния ислама в России и во всем мире: он выступил в качестве равноправного партнера и даже соперника христианства вообще и православия, в частности. Этому в значительной мере способствовало разрушение мировой колониальной системы, освобождение десятков мусульманских стран и народов от колониальной зависимости Запада (христианства). Дальнейшее же обогащение этих стран за счет нефти и других полезных ископаемых, поставленных на службу социально-экономического и культурно-нравственного возрождения мусульманских народов, в корне изменило международный статус стран исламского мира.

---

[1] См.: *Кюнг Г.* Религия на переломе времени // Будущее религии: проблемы и перспективы. Ч. I. М., 1991. С. 64.

Мусульманский мир сегодня выступает как политически самостоятельный и богатый, с ним вынуждены считаться и иметь партнерские отношения самые развитые страны и международные организации, а сформировавшаяся под его эгидой мусульманская умма стала влиятельной и привлекательной для всех мусульман, в том числе для мусульманских общин России.

Межнациональные отношения требуют межрелигиозного диалога в качестве существенного компонента общекультурного диалога. Проблема межрелигиозного диалога оказывается необычайно актуальной не только в сфере межрелигиозных взаимоотношений – она становится фактором, оказывающим влияние на культурную, социально-экономическую и политическую жизнь общества.

На пути развития и углубления такого диалога сегодня немало препятствий, среди которых, в частности, распространение радикального религиозного фундаментализма (сторонники которого имеются во всех конфессиях), в принципе отрицающего диалог, т.е. общение участников равного достоинства. Под фундаментализмом в данном случае понимается не стремление восстановить традиционный религиозный образ жизни, но радикальное религиозно-политическое движение, направленное на борьбу с гуманистическими ценностями и открытым плюралистическим обществом.

Однако главным препятствием для межрелигиозного диалога является отсутствие интереса к нему со стороны крупной конфессии – нет опасности собственному благополучаю, нет и интереса. Кроме того, практически все религиозные организации заняты внутренними проблемами, борьбой с собственными «раскольниками». При этом, как правило, свою незаинтересованность вести диалог по острым религиозным, социально-экономическим, нравственным и другим вопросам пытаются оправдать ссылками на проблемы внутри других конфессий, на отсутствие в них единства, согласия.

Отсутствие межконфессионального диалога как системы свидетельствует о слабости гражданского общества. Гражданское общество диалогично по своей природе, оно зиждется на идее диалога как некоторой субстанциональной основе бытия. Диалогизм определяется одновременно как стиль мышления и способ познания реальности, эталон поведения и творческий метод самых различных проблем, как универсальная программа жизнедеятельности. Без преувеличения можно утверждать, что становление гражданского общества – это становление особого диалогического видения мира – диалогического мышления, диалогической нравственности, диалогического мировоззрения.

Сегодня вместо диалога распространен монолог: слышатся поучения, что и как должна делать та или иная конфессия, какое место она должна занимать в системе общественных отношений, исходя из численности своих адептов, исторического вклада в общественное развитие и т.д. Такой подход к диалогу – тупиковый, он ведет в никуда. Никто не хочет быть «младшим братом» и постоянно слушать монолог.

Вместе с тем известно, что любая религия несет в себе огромный заряд монологизма, выраженного в идее абслютизации своего Бога, ценностей своей конфессии. Эта идея широко декларируется в исламе. Монологическая традиция проявляет себя в христианстве.

Очевидно, что альтернативы диалогу нет. Наиболее жизнеспособной стратегией является диалог, поэтому диалогические стратегии рано или поздно вытеснят монологические.

А. Сабиров, рассуждая о православно-мусульманском диалоге, считает, что нужно иметь в виду следующее. Диалог прежде всего должен строиться на принципах равноправия религий в обществе, признании обеими сторонами близости основных аспектов вероучений и этических ценностей двух религий, общности исторических судеб и интересов их последователей и в широкомасштабном разъяснении этой позиции среди мусульман и православных.

И без того непростые отношения между православием и исламом за последнее время осложнились в связи с преподаванием в государственных школах «Основ православной культуры» (ОПК). В Московской Патриархии ОПК считают светским предметом. Мусульманские лидеры полагают, что под видом ОПК в светских школах преподают Закон Божий. Представитель Правительства Российской Федерации при высших судах и член Общественной палаты юрист М. Барщевский отмечает, что само название предмета ОПК «создает напряженность в нашем многоконфессиональном обществе... Я уже не говорю о правовой стороне дела: положении Конституции о светском характере нашего государства, об отделении Церкви от школы... В том виде и объеме, в котором ОПК преподаются в некоторых регионах России, это и есть упрощенный вариант Закона Божьего. На самом деле преподается православие, что недопустимо в рамках государственного образования...»[2].

«Борьба за введение “Основ православной культуры”, конечно, стала уже притчей во языцех по своей продолжительности, – пишет в НГ-Религии

[2] НГ-Религии. 2007. 6 июня.

П. Круг, – ведь длится она ни много, ни мало восемь лет, а то и больше... Консенсуса в этом вопросе нет и не предвидится. Казалось бы, факультативное преподавание основ православной (исламской, буддийской и любой другой) культуры должно устроить и ведомство Андрея Фурсенко, и религиозные организации, и верующих и неверующих педагогов. Но кто может гарантировать, что факультатив не превратится со временем в обязаловку или – в лучших традициях советской школы – в предмет с добровольно-принудительным посещением? Напористость «борцов с антирусскими силами» заставляет сомневаться в этом тех, кто настроен более либерально»[3].

По данным общественной палаты Российской Федерации, различные курсы православной культуры по стране ориентировочно изучают 5–6 тыс. учащихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, курсы исламской культуры – 150–200 тыс., курсы философско-религиоведческого содержания – 50 тыс., курсы по истории и культуры иудаизма – более тысячи, буддизма – 10 тыс., традиционные религии малочисленных народов Севера – 10 тыс. учащихся. Итого 700–800 тыс. учащихся и соответственно не менее 20–30 тыс. занятых преподаванием этих учебных курсов учителей[4]. Словом, религиозное образование в государственной школе существует де-факто. Но согласия по этому поводу главным образом между мусульманами и православными, точнее между Советом муфтиев России и Московской патриархией нет.

Преподавание в ряде регионов РФ предмета «Основы православной культуры» противоречит Конституции страны, – так считает глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин. «Нас не могут не беспокоить попытки придать новые оценки российской истории, связанные с возвеличиванием одного народа и принижением роли других. В нарушение принципа Конституции нашего государства в 74 субъектах введен в школах предмет “Основы православной культуры”. Преподавание только предмета “Основы православной культуры” ставит мусульман, иудеев и буддистов в положение младших братьев...Если будет принято однобокое решение, вы закладываете бомбу на десятилетия вперед, и неизбежен конфликт, если сегодня будут преподавать культуру одной религии»[5], – сказал Р. Гайнутдин в беседе с министром образования и науки А. Фурсенко. Между тем процесс преподавания «Основ православной культуры» продолжает расширяться вопреки протестам Совета муфтиев России. А диалога, чтобы решить эту проблему между православием и исламом нет и, в ближайшем будущем он вряд ли появится.

Представители Русской Православной Церкви любят ссылаться на зарубежный опыт преподавания в государственных учебных заведениях религиозных дисциплин. Теперь у противников преподавания в государственных школах в качестве «обязательного факультатива» предмета «Основы православной культуры» появились на Западе серьезные союзники. Европейский суд по правам человека принял прецедентное решение по жалобе родителей норвежских школьников. Суд счел, что уроки KRL (христианское образование, религия и образ жизни), введенные в школах Норвегии нарушают статью 9 Европейской конвенции по правам человека, провозгласившей “Свободу мысли, совести и религии”»[6].

Одна нерешенная проблема тянет за собой другую. Серьезное недовольство вызвала у Совета муфтиев России публикация книги бывшего ответственного сотрудника Московского патриархата. В обращении Совета муфтиев России в Президиум Межрелигиозного совета России говорится: «...вышедшая недавно книга “Новейшая история исламского сообщества России”, написанная Исполнительным секретарем Межрелигиозного совета России (МСР) Романом Силантьевым, несопоставима не только с принципами честной и объективной дискуссии, но и с элементарнейшими нормами общечеловеческой этики и морали, а тем более этики межрелигиозного общения. Не прослеживается в ней и признаков научного исследования»[7]. РПЦ отмежевалась от автора книги об исламе, отметив, что позиция Р. Силантьева не соответствует позиции Русской Православной Церкви в отношении ислама. Как сообщает РИА Новости, об этом говорится в заявлении службы коммуникаций Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата. Эта книга является «выражением личного мнения и личных оценок автора», говорится в заявлении. В нем подчеркивается, что позиция РПЦ «предполагает не-

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Интерфакс-Религии. 2007. 30 янв.

[6] *Ягодин А.* На дороге к храму постоянно возникают конфликты: Правозащитники и Евросуд мешают церкви принести свои дары молодежи // Новая газета. 2007. № 57 (1277). 30 июля – 1 августа. С. 5.

[7] URL: http://lenta.ru/news/2005/12/01/exit/

изменное уважение к тысячелетней исламской традиции на территории России»[8].

О подобных действиях, видимо, предупреждал автор книги «Друзей искать на Востоке». К сожалению, остаются неуслышанными мудрые слова архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (Иким) о принципах, на которых следует вести исламо-православный диалог. Отметив, что христианство часто называют религией любви, ислам – религией справедливости, владыка пишет: «Сущностное различие наших мировоззрений – в определении того, какое из двух этих чувств должно главенствовать при служении человека Богу. Но в земной жизни справедливости не о чем спорить с любовью»[9]. И далее: «Выяснение общих черт наших религий – это та граница, которую не следует переступать в православно-мусульманском диалоге»[10]. Как пишет епископ, в прошлом между христианами и мусульманами шла оживленная дискуссия по богословским вопросам. Однако в наше сложнейшее время, когда межрелигиозная напряженность подогревается искусственно и искусно (об одном таком факте сказано выше. – *Л.Б.*), такое (богословская дискуссия) – непозволительная роскошь. «Заострение наших расхождений, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов, полемика не может принести ничего, кроме вреда», – пишет автор, – это не нужно ни мусульманам, ни нам... Нам важно и действительно необходимо не рассуждать о тонкостях учений, а выявить основы для взаимопонимания и общих благих дел»[11].

Сотрудничество между христианством и исламом, по мнению иранского исламоведа С.Х. Насра, должно быть направлено на сохранение мира и критику современных тенденций, ведущих к экологическому кризису, разрушению человечества, «включая идею неопределенного и неограниченного материального «развития»[12]. Чтобы совместно решать подобные проблемы, необходимо для начала разрешить идеологические противоречия.

Как считали эксперты, не оправдались надежды на создание стабильной структуры для институализированного межрелигиозного диалога, связываемые с созданием при Президенте Российской Федерации Совета по взаимодействию с религиозными объединениями. Не оправдывает себя и Межрелигиозный совет России (МРС), который был призван стать органом межконфессионального диалога. О том, какой «вклад» в такой диалог внес его Исполнительного секретарь сказано выше. В этих условиях, видимо, государству придется стать арбитром в налаживании межконфессионального диалога, поскольку лидеры конфессий оказались не в состоянии из-за внутренних противоречий наладить конструктивный диалог по наиболее важным социальным проблемам.

По мнению А. Малашенко, отсутствие в современной России настоящего богословского исламо-христианского диалога объясняется, наряду с другими причинами, и тем, что ни у православных, ни у мусульман нет богословов, способных его вести[13]. Как отмечает М. Смирнов, подлинный диалог христианства с другими религиями, включая иудаизм и буддизм, возможен только в условиях секулярного общества, когда ни у одной религии не будет особых привилегий от государства[14]. Наше общество не является секулярным, одна из конфессий реально имеет привилегии, следовательно, особо и не нуждается в диалоге с какой бы то ни было конфессией: все свои проблемы она решает с государством, которое охотно идет ей навстречу.

Сложившаяся атмосфера взаимной подозрительности отнюдь не способствует религиозному диалогу. Между тем у религиозных организаций страны существует много острых вопросов, требующих совместного обсуждения и принятия согласованных решений. О некоторых из них уже говорилось выше. В условиях этнополитических конфликтов, которым пытаются придать религиозный характер, чрезвычайно важны не заявления представителей отдельных конфессий об отрицательном отношении к конфликтом, а консолидированное совместное выступление против негативных явлений, согласованная позиция по наиболее важным проблемам, выработка мер по предотвращению конфликтов на этноконфессиональной почве.

Вышеназванные конфликты являются следствием серьезных проблем в сфере экономики, политики, межнациональных отношений, социальной и

---

[8] Там же.

[9] А друзей искать на востоке (глава из книги – email: Emmanuil@uzpak.uz).

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Мусульмане: Мусульманско-христианский консилиум // Проблемы исламоведения. Вып. 1. М., 1982. С. 52.

[13] Религия и общество // URL: http://www.newsru.com

[14] Там же.

духовной жизни. Поэтому предметом диалога должен быть широкий круг социальных проблем.

У представителей Русской Православной Церкви и Духовных управлений мусульман накопилось немало претензий по поводу недопустимости прозелитизма (целенаправленной работы по обращению представителей иных конфессий в свою веру). Ведется скрупулезный подсчет, кто сколько переманил, однако этот путь бесперспективен.

Следует перейти от взаимных упреков к диалогу, который если и не решит все проблемы, то может способствовать формированию взаимопонимания, снятию подозрительности в отношениях.

Межконфессиональный диалог актуален на самых различных стадиях и уровнях. Кроме священнослужителей, его субъектами должны стать ученые, политики, предприниматели, общественные деятели.

Для Российской Федерации значимость исламо-православного диалога возрастает многократно потому, что ислам на ее территорию не привнесен иммигрантами из традиционно исламских государств, а органичен, исторически укоренен среди народов-автохтонов задолго до православного христианства. Более четырех столетий на территории России развивается уникальная евразийская цивилизация, в которой православные христиане и мусульмане играют основную роль. Однако отношения между ними были и остаются сложными: они спорят, предъявляют друг другу претензии, но и сотрудничают.

Разбросанные по всей территории страны мусульманские анклавы представляют собой значительную часть сложного евразийского организма России, без которой Российская Федерация теряет качественную определенность, перестает быть сама собой. Развал СССР по негативным последствиям не может сравниться с возможными катастрофическими последствиями межконфессионального противостояния внутри России. Поэтому все ратующие под видом русского патриотизма за расширение социально-политической сферы действия православия в ущерб интересам российского ислама дестабилизируют внутриполитическую обстановку в стране. Особенность межконфессиональных и межэтнических конфликтов заключается в том, что они вызревают незаметно, долгое время сохраняясь в латентном состоянии, но при любом политическом конфликте могут мощно выплеснуться как его катализатор.

Оценивая состояние исламо-православного диалога в современной России, можно отметить два основных момента: во-первых, он крайне ограничен и малоэффективен; во-вторых, используется в основном как средство внешнеполитического, дипломатического влияния на страны-партнеры исламского мира.

Дело в том, что диалог лишь изредка ведется на институциональном уровне, т.е. исключительно между мусульманским и православным духовенством, причем незначительной его частью.

Отсутствие системы исламо-православного диалога и негативный настрой федеральных средств массовой информации в отношении ислама на фоне напряженной обстановки в традиционно мусульманских республиках Северного Кавказа породили крайне опасный для России феномен исламофобии.

Назовем несколько причин отсутствия постоянного конструктивного исламо-православного диалога:

– имперско-шовинистические пережитки и предрассудки относительно ислама, сохранившиеся в общественном сознании и общественной психологии россиян. В царской России, когда православие было государственной, а ислам лишь «терпимой» религией, о поисках путей их сближения не могло быть и речи: православное имперское мышление духовенства и власти не видело в исламе равноправного партнера для диалога. Следствием отсутствия традиций диалога, опыта поиска путей взаимопонимания, сближения точек зрения не только по социально-экономическим и политическим, но и по теологическим вопросам являются, рожденные на почве религиозных противоречий предрассудки. Они играют не последнюю роль в усилении этнонациональной подозрительности. Антиисламские стереотипы очень живучи. «Обращаясь к истории Российского государства, – заявил ректор Тобольской духовной семинарии архиепископ Димитрий, – мы нигде не найдем подобного прецедента, чтобы за одним рабочим столом сидели православные и мусульмане... и вырабатывали какие-либо документы». Позитивным следствием могли бы быть усилия по преодолению вышеназванных стереотипов;

– отсутствие в России традиций диалога как такового из-за неразвитости демократических институтов, невостребованность диалога как формы социального общения. Современные российские политики не достигли, к сожалению, того уровня политической культуры, когда диалог воспринимается как норма социально-политической жизни. Им недостает знаний, мудрости и терпения, чтобы вести длительный и трудный разговор с партнером. Поэтому российский истеблишмент не только не имеет достаточного опыта ведения диалога, но и откровенно избегает этой формы общения с любой оппозицией, будь то бастующие шахтеры

или учителя, чеченские сепаратисты или дагестанские ваххабиты. В условиях однопартийной (КПСС) политической системы и тотальных запретов на любое инакомыслие (в том числе по проблемам этноконфессиональных отношений) в диалоге не было необходимости, его заменяли команды сверху. Как отмечают эксперты, межконфессиональный диалог сводился к эпизодическому общению духовенства различных конфессий и их участию в проводившихся государством политических мероприятиях. Собственно, главный смысл такого диалога сводился к совместному одобрению с религиозных позиций внешней и внутренней политики советского правительства.

Нечто подобное происходит и в наши дни, когда межконфессиональные диалоги устраиваются, демонстрируются в угоду сиюминутным интересам политически ангажированными представителями духовенства с той и другой стороны;

– особое положение в Российской Федерации Русской Православной Церкви, которая традиционно чувствует себя государственной религией, ведет наступление широким фронтом, навязывая свое присутствие во всех сферах жизни общества, пользуясь безусловной поддержкой государства;

– организационная разобщенность ислама в России. В отличие от Русской Православной Церкви, обладающей структурированной системой органов, осуществляющих взаимодействие с государством и обществом на федеральном и региональном уровнях, у мусульманских общин нет такой структуры и единого центра, который координировал бы деятельность региональных исламских организаций. Сегодня мусульманская община России расколота не только организационно (насчитывается несколько десятков относительно самостоятельных Духовных управлений мусульман), но и идейно – на многие социально-политические и внутриисламские проблемы мусульманские лидеры смотрят по-разному, причем публично обличают друг друга в приверженности радикальному исламу, ваххабизму и т.д.

Современная исламская умма состоит из множества независимых организаций, большинство которых объединены в три большие группы – Центрального духовного управления мусульман во главе с муфтием Талгатом Таджуддином, Совета муфтиев России, возглавляемого муфтием Равилем Гайнутдином и Координационный центр мусульман Северного Кавказа. Духовные управления мусульман Северного Кавказа, входящие в Координационного центра мусульман Северного Кавказа, хотя и сотрудничают с Советом муфтиев России, фактически автономны и тесно связаны с местными властями.

Организационная разобщенность мусульман Российской Федерации на руку тем, кто выступает против диалога между мусульманами и православными: мол, с кем вести диалог, если нет единого центра или признанного духовного лидера, способного вести диалог с Русской Православной Церковью. Между тем проблема организационной упорядоченности в российской исламской общине могла быть давно решена в процессе межрелигиозного диалога, поддержанного властями.

Принципиально ошибочна нынешняя этноконфессиональная политика власти. Государство занимает социально непродуктивную позицию в отношении межконфессионального диалога вообще, и исламо-православного диалога, в частности. Если еще недавно власть упрекали в отсутствии внятной этноконфессиональной политики, то сегодня можно констатировать, что сформировавшаяся этноконфессиональная политика, основанная на безусловной приоритетной поддержке РПЦ в ущерб другим конфессиям, не способствует стабилизации жизни общества. Государство откровенно использует православие в своих политических целях, а Русская Православная Церковь столь же откровенно использует государственную поддержку для расширения своего влияния в обществе и подавления административными методами духовных соперников, для защиты от прозелитизма Российской Федерации как территории исключительно «православного окормления».

На последнем тезисе, как наиболее важном, следует остановиться подробнее, ибо нет сегодня для России актуальнее и значимее проблемы, чем политическая стабильность, способом достижения которой и должен стать межконфессиональный диалог между исламом и православием.

Сегодня Русская Православная Церковь занимает высокие позиции в российской внутренней и внешней политике, во всей системе государственной власти и политической организации российского общества, а это по сути своей:

– нелегитимно, т.е. противоречит светским принципам Российского государства, провозглашенным Конституцией Российской Федерации;

– недемократично, так как нарушает принцип юридического равенства конфессий, закрепленный в Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

– неадекватно реальному влиянию Русской Православной Церкви среди русского (славянского) населения: согласно социологическим данным, процент верующих среди русских в Российской Федерации составляет чуть более 50%, т.е.

примерно половина этнических русских не относит себя к православным верующим, а, по мнению протоиерея Всеволода (Чаплина) из Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии, верующих среди славянского населения России не более 5%. Некоторые эксперты из числа православных священников называют цифру и того меньше – не более 2% являются практикующими верующими.

Влияние РПЦ на российское общество, ее нравственно-политическая роль в России искусственно завышаются не только иерархами православия, но в большей мере властными структурами и приближенными к ним средствами массовой информации. Социальный смысл этого явления нельзя оценить однозначно: с одной стороны, сам факт обращения к национальным духовным истокам и нравственному потенциалу «религии отцов» имеет позитивную направленность – оздоровить социально-психологический климат в стране, снизить рост наркомании и преступности, т.е. осуществить духовно-нравственное очищение, своего рода психотерапию фрустрированного российского общества.

О духовном неблагополучии в обществе говорят следующие данные, приведенные И.А. Куницыным: «Исходя из статистических данных российских и зарубежных источников, каждую минуту в России убивают человека, а каждые 10 минут происходит одно или два самоубийства. Количество беспризорных детей в России почти соответствует послевоенному уровню. Одной из острейших проблем нашего общества стала массовая наркотизация населения. 30% молодежи употребляют наркотики. В среднем каждая российская женщина делает от 2 до 4 абортов в год. Уровень смертности на 70% превышает уровень рождаемости... Сегодня можно сказать определенно: Россия гибнет уже не только духовно, но и физически»[15].

Мы полагаем, что национальную катастрофу позволит избежать лишь пересмотр концептуальных подходов к государственно-конфессиональным отношениям. По мнению же И.А. Куницына, «требуется построение вероисповедной политики, предусматривающей юридические инструменты защиты традиционных духовных ценностей от деструктивных глобальных процессов»[16].

Статья носит дискуссионный характер. В нашу задачу не входит вступать в полемику с автором. Нас заинтересовали в публикации данные, характеризующие духовное и физическое состояние нашего общества.

Постперестроечное российское общество пребывает, как сказано выше, в состоянии фрустрации, когда настроение и поведение больших групп людей, выброшенных из привычной и понятной им жизни, характеризуются либо депрессивностью, уходом в религию и всякого рода мистику, либо политической и уголовной агрессивностью, а также резкой и трудно объяснимой сменой нравственных оценок и политических симпатий.

Искусственное завышение роли Русской Православной Церкви в жизни России демонстрирует слабость государства и неразвитость гражданского общества. Опора власти на Церковь, чрезмерное упование на ее мобилизующую роль в политической консолидации российского общества говорят об исчерпанности моральных ресурсов самого государства. Сильное государство не нуждается в конфессиональных подпорках, потому что главную свою опору видит в гражданском обществе, обеспечивающем ему здоровую оппозицию – высокопрофессиональную, ответственную, действенную.

Глубинный социальный смысл гиперболизации роли Русской Православной Церкви в российском обществе проявляется в завуалированном противостоянии политических верхов процессу формирования и укрепления в России гражданского общества, способного контролировать власть, выдвигать из своей среды политически зрелую оппозицию.

Он состоит также в активном использовании властью религиозного (в данном случае православного) фактора в целях нейтрализации в российском обществе зачатков политической оппозиции, в своего рода подмене гражданского общества обществом православным, исповедующим покорность и смирение, ибо «любая власть – от Бога», и идти против власти (даже несправедливой) православный человек на может. Главным объектом политического «оправославливания» избран традиционно православный самый крупный этнос в Российской Федерации, в лице которого политикам видится носитель идей державно-православного патриотизма, народ-миссионер, пример православно-политического смирения и покорности власть имущим и задуманному ими обновлению России, вектору ее реформирования.

Отсутствие постоянно действующего конструктивного межконфессионального диалога позволяет политикам манипулировать религиозными чувствами и религиозными интересами людей в политичес-

[15] НГ-Религии. 2004. 2 июня.

[16] Там же.

ких целях, которые далеко не всегда можно определить как благородные. Используя уже апробированную большевиками схему, современные политики вновь пытаются опереться в своих замыслах на русское большинство, только на этот раз не под флагом богоборчества и массовой атеизации страны, а, напротив, под флагом православия, чтобы подавить ростки любой оппозиции, особенно в регионах традиционного распространения ислама.

В обстановке постсоветского идейно-нравственного брожения основополагающей проблемой общества стал поиск духовного стержня единения. В переломные исторические эпохи в поисках решений такого масштаба люди всегда обращались к фундаментальным ценностям прошлого – национальному вековому опыту, парадигмам культуры и высшего проявления духовности. Поэтому использование нравственно-культурного потенциала русского православия представляется вполне закономерным и продуктивным. Однако не следует забывать, что аналогичные процессы происходят в общественном сознании не только русского, но и других российских народов, исповедующих иные религиозные взгляды, имеющих свои, специфические цивилизационные особенности, свои представления о культурно-нравственных ценностях и, что немаловажно, своих политиков, готовых использовать мобилизационно-консолидирующий потенциал «национальных» религий.

Это обстоятельство еще более актуализирует необходимость межрелигиозного диалога: во-первых, нельзя допустить, чтобы объективные культурно-религиозные различия российских народов использовались нечистоплотными политиками как средство взаимоотторжения и вражды; во-вторых, нельзя недооценивать этноконфессионального многообразия России как фактора культурно-нравственного и духовного взаимообогащения ее народов; в-третьих, нельзя не использовать в интересах Российской Федерации ее уникальное геополитическое положение евразийской страны, ее уникальный исторический опыт именно сопряжения (не отторжения, не поглощения) на едином пространстве нескольких типов цивилизаций, что дает России великолепный шанс представить миру жизнеспособную модель межцивилизационного взаимодействия во всех сферах духовного и социально-экономического развития, опровергающую мрачные предсказания западных провидцев о фатальной неизбежности в будущем столкновения двух цивилизаций – христианской и исламской.

Поэтому политически и социально неоправданной является ставка государства исключительно на православие как духовный фактор единения государствообразующего русского этноса. Сам подход к определению Российской Федерации как национального русского православного государства несет в себе мощное дестабилизирующее начало.

Идея юридического закрепления фактического неравенства российских народов как шаг к превращению федерации в унитарное Русское православное государство, которая выдвигается и муссируется определенными религиозными и политическими кругами в России, крайне вредна и неосуществима политическими методами. Объективно сложившееся неравенство российских народов в пользу русского народа по численности (83% населения Российской Федерации составляют русские), по уровню социально-экономического и культурного развития обостряет проблему установления в Российской Федерации юридического равенства всех народов. В этом прежде всего не заинтересован русский народ, который в силу своего фактического приоритета несет главную ответственность за судьбу России.

Подчеркивание и юридическое закрепление особого положения русского народа в Российской Федерации не прибавит ему ни прав, ни авторитета, напротив, оно объективно направлено против его истинных национальных интересов, ибо способно изнутри взорвать федерацию, нарушить трудно формирующееся гражданское общество, без чего Россия не может сохранить себя как единое целое.

Такое обособление русского народа в Российской Федерации способно оживить в нерусских титульных народах негативную историческую память об имперской зависимости в прошлом – о национальных обидах, связанных с их национально-религиозным неравноправием; об унизительной колониальной подчиненности народу митрополии; обо всем, что способно породить новую волну русофобии, национализма, сепаратизма и этноконфессиональных конфликтов.

Дестабилизирующая сущность идеи и практики обособления русского народа и Русской Православной Церкви в России выражается в противопоставлении русского православия всем другим традиционным и нетрадиционным религиям, что является нарушением конституционного равноправия конфессий, без соблюдения которого любой межконфессиональный диалог теряет смысл, неминуемо превращаясь в монолог РПЦ. По существу, диалог уже заменен на монолог РПЦ.

Против политиков, навязывающих обществу идеи лжепатриотизма, выступают прежде всего сами русские священнослужители, особенно те из них, которые, работая в национальных традицион-

но исламских республиках или в ареалах распространения ислама в Российской Федерации, глубже понимают ситуацию. Например, архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий считает, что православие не может стать официальной религией. «В нашей многонациональной многоконфессиональной стране невозможно дать приоритет только одной религии»[17], – заявил владыка. В регионах и республиках, по его мнению, возможны личные симпатии лидера к той или иной религии, но как представитель власти он обязан при любой ситуации соблюдать паритетные отношения между религиями, что «является залогом стабильности общества»[18]. И если сегодня в Татарстане существуют взаимопонимание и терпимость между верующими и священнослужителями разных религий, то это в первую очередь связано с взвешенной политикой местной власти, которая всеми мерами способствует постоянному диалогу между мусульманами и православными, между верующими, священнослужителями и властью.

Современное состояние исламо-православного диалога справедливо определяется экспертами как «маловразумительное». Это связано с тем, что четко не определена позиция государства по отношению к сущности проблем – взаимоотношениям его с конфессиональной сферой вообще и межконфессиональным (в данном случае исламо-православным) диалогом в частности.

Этноконфессиональные проблемы, тесно переплетающиеся с политикой и социальной психологией, – сфера тонкая. Не каждому государственному лидеру доступная по уровню его политической и общей культуры, образования и нравственных качеств. Вне диалога невозможно воспитать политиков, способных овладеть столь «тонкой материей» и вести дело так, чтобы политическое вмешательство в сферу этноконфессиональных отношений было исключительно позитивной направленности.

Государство обязано всегда оставаться на позициях демократизма, социальной справедливости и гуманности, ставя эти принципы социальной жизни выше религиозно-политических и этнополитических интересов и симпатий: «родной» национализм (религиозный экстремизм) не лучше «чужого», потому что и тот и другой ведут к социальной катастрофе – конфликтам и войнам.

Серьезным напоминанием об этой истине явилось обращение к руководству Российской Федерации Совета муфтиев России с Заявлением «О сохранении и укреплении национального единства в Российской Федерации», связанным с фактами историко-культурного порядка, которые по политическому недомыслию или злому умыслу отдельных политиков и госчиновников пытаются использовать в целях «искусственного противопоставления друг другу народов... на фоне усиливающейся антиисламской кампании, проводимой общероссийскими и местными средствами массовой информации, в том числе государственными»[19].

Трудно не согласиться с таким выводом: во-первых, формирование любого государства (империи) изобилует историческими фактами сражений и войн, побед и поражений, героизма и предательства, национального триумфа и национального позора. Цель исторической науки – сохранить и осмыслить опыт человечества, чтобы учиться на нем, извлекать социально значимые уроки во имя будущего.

О каком будущем России мечтают устроители (неважно, на государственном или общественном уровне) подобных «празднеств», понять несложно – отвлечь общество от созидательного труда во имя полумифических химер многовековой давности.

Во-вторых, подобное «празднество» следует оценить как рискованную провокацию в адрес татарского народа, второго по численности в Российской Федерации и главного партнера русского народа в историческом процессе созидания евразийской цивилизации. Прецедент празднования «победы русских над татарами» в 1380 г. может породить аналогичный «праздник» победы татар над русскими на реке Калке 16 июня 1224 г., когда, по словам русского историка С.М. Соловьева, «... русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли»[20], а русские князья, поверившие, что их отпустят за выкуп и сдавшиеся победителям, «были задавлены – татары подложили их под доски, на которых сели обедать»[21].

В-третьих, буддирование негативной исторической памяти российских народов на фоне событий на Северном Кавказе и явно усилившейся в обществе исламофобии, с одной стороны, и активной политизации ислама – с другой может значитель-

[17] Ислам Минбаре [Трибуна ислама] // Общероссийская газета Духовного управления мусульман Европейской части России. 2000. № 9 (70). Сентябрь. С. 7.

[18] Там же.

[19] URL: http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=1&id=205042719205174

[20] *Соловьев С.М.* Об истории древней России. М., 1992. С. 138.

[21] Там же. С. 139.

но усилить влияние радикальных форм ислама на центральные регионы России.

В этноконфессиональной политике не существует мелочей: вспышку межэтнической или межконфессиональной вражды может спровоцировать любой факт пренебрежения национальными или религиозными чувствами людей. Между тем в России наблюдается немало случаев, когда местные органы власти, представители Русской Православной Церкви или настроенное антиисламски население не позволяют мусульманской общине строить мечети под надуманным предлогом: здесь раньше не было мечети, потому не должно быть и сейчас. Такого рода межконфессиональное напряжение создается искусственно. При этом явно ущемляются права мусульманских народов, ибо Российская Федерация – территория не только православного, но и исламского окормления.

Развитие исламо-православного диалога помогло бы россиянам понять, что Российское государство сложилось как мирный союз православных и мусульман, к которому присоединялись другие народы, исповедовавшие иные религии; что догматическая основа всех конфессий принципиально миролюбива. По мнению муфтия Равиля Гайнутдина, россиянам – последователям авраамических религий – еще не удалось по-настоящему осознать свое единство, близость религий, их учений о цели и смысле земной жизни, высоких нравственных ценностях, присущих им всем. Призывая к межконфессиональному диалогу во имя мира и благоденствия России, муфтий замечает: «Мы понимаем, что успех диалога зависит не только от нас, но и от других его участников». К этому можно добавить: успех диалога в большей мере зависит от тех, кто обладает большими моральными и материальными возможностями инициировать и организовать такой диалог, – от Русской Православной Церкви.

К сожалению, иерархи Русской Православной Церкви уступали и уступают инициативу межконфессионального диалога Ватикану. Ныне покойный Иоанн Павел II активно налаживал диалог со всеми христианскими народами, а также мусульманами и иудеями, посетив Иерусалим, Грецию, Сирию, Украину и др. На фоне неконструктивной позиции Русской Православной Церкви деятельность главы Ватикана – покаяние за грехи Католической церкви, обращение к верующим на их родных языках с призывом к диалогу и миру, – вызывала восхищение и уважение всего мира, в том числе исламского, к Католической церкви и странам традиционного католицизма.

Как известно, впервые в истории христианской церкви II Ватиканский собор (1962–1965 гг.) рассмотрел на доктринальном уровне проблему отношения Церкви к нехристианским религиям. Особое внимание Собор уделил исламу. Впервые за четырнадцать веков существования двух религий Католическая церковь официально признала особый религиозный статус ислама и высказалась в позитивном плане о его последователях.

В соответствии с католической теорией диалога, различавшей две основные части – доктринальную и практическую (сотрудничество в социальной сфере), раздел декларации Собора включал важные новации: во-первых, позитивную характеристику исламской религиозной доктрины; во-вторых, ориентиры для совместной социальной практики. Выделив в первой части то, что связывает две религии, Собор тем самым наметил основные сферы теологического диалога: монотеизм, авраамическая традиция, христология, эсхатология, этические учения и культ.

Однако в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» проблема взаимоотношений с исламом полностью проигнорирована: или иерархи Русской Православной Церкви в силу постоянных внутренних разногласий не смогли выработать консолидированную позицию, или православие не видит в исламе равноправного партнера по диалогу.

В то же время РПЦ проявила активность в налаживании православно-исламского диалога с зарубежными мусульманскими организациями. Так, в Исламской Республике Иран 24–25 января 2001 г. в Тегеране состоялся третий коллоквиум Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам и православие», итоги которого Священный Синод одобрил, счел правильной нацеленность РПЦ на дальнейшее продолжение диалога с мусульманской общиной Исламской Республики Иран по религиозно-общественным вопросам, представляющим интерес для православных христиан, мусульман и современного общества в целом. Ныне покойный Святейший Патриарх Московской и всея Руси Алексий II направил тогда приветствие участникам коллоквиума. Он, в частности, отметил: «... у православных христиан и мусульман есть немало общих целей, для достижения которых мы призваны объединить усилия. Нам необходимо вместе дать ответ на такие тревожащие явления, как секуляризация, нравственный кризис общества, попытки построить однополярный мир, использовать глобализацию для экономического, культурного, религиозного и информационного дик-

тата»[22]. Далее Патриарх писал: «Православные христиане с глубоким уважением относятся к исламу, видя в нем древнюю, но полную жизненной силы религию авраамического корня. Сейчас мы воочию наблюдаем, как Исламская Республика Иран, строя свою жизнь на основе твердой верности традиционным духовным ценностям, достигает немалых успехов во всех сферах жизни и продолжает активно развиваться, вопреки мнению известных кругов об априорной регрессивности государств, созданных на религиозных началах»[23].

Многие проблемы, поднятые на коллоквиуме в Тегеране, актуальны и для современной России. Но они не обсуждаются.

Как сообщал «Интерфакс-Религия», в декабре 2005 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл посетил Йемен – это первое в истории посещение иерархом Русской Православной Церкви названного государства. Отвечая в аэропорту Саны на вопросы журналистов о цели приезда в Йеменскую республику, владыка подчеркнул, что его визит является «одним из шагов Московского патриархата по развитию христианско-мусульманского диалога»[24]. Словом, Русская Православная Церковь проявляла и проявляет активность в налаживании диалога с зарубежными исламскими государствами. Безусловно, такую деятельность надо приветствовать. Если бы при этом проявлялась такая же активность в налаживании межконфессионального диалога внутри страны, эффект был бы гораздо большим.

Диалогическая активность РПЦ с зарубежным исламом не осталась незамеченными мусульманскими лидерами внутри страны. Как сообщает информационно-аналитический центр «Сова», в ходе заседания организационного комитета по подготовке к проведению в Нижнем Новгороде международного форума «Диалог культур и межконфессиональное сотрудничество» глава Нижегородского духовного управления мусульман Умар Идрисов выступил с резким докладом о православно-исламском диалоге и государственно-конфессиональных отношениях. Признав, что у РПЦ сложилось плодотворное сотрудничество с мусульманскими организациями других стран, нижегородский муфтий заявил, что в России нормального православно-исламского диалога нет. «Сегодня мы опять оказались в плену конфронтационной психологии, которая сложилась за многие века до советской эпохи, когда православие было государственной религией, а остальные – терпимы», – сказал У. Идрисов. Далее он отметил: «Сегодня в России возобладала такая идеологическая линия, которая не оставляет места для равноправного межконфессионального диалога, которая делит граждан на «наших» и «ненаших», а религиозные общины – на государственных «святых» и «несвятых». Это горькая правда нашей действительности, и в регионах, особенно в Поволжье, это ощущается особенно остро, причем не только мусульманами, но и в первую очередь самими русскими и православными людьми, понимающими всю пагубность такого идеологического вектора»[25]. Муфтия У. Идрисова поддержал муфтий Ростовской области Флюр Арсланов, который заявил, что на территории Южного федерального округа отношения властей к мусульманам еще хуже, чем описал глава ДУМ НО. По мнению муфтия ДУМ Поволжья Мукаддаса Бибарсова, с докладом У. Идрисова согласны 99% российских мусульман[26].

«Развитие нашей Церкви немыслимо без того, чтобы она была центром идентичности России и ее народа, немыслимо без присутствия в армии, в СМИ, в публичном пространстве, причем это должно быть присутствие в степени, адекватной количеству крещенных в православии людей в нашей стране»[27], – отреагировал на выступление У. Идрисова протоиерей В. Чаплин.

Не способствует исламо-православному диалогу и тот факт, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» содержится прямой призыв к государству об особом отношении к православию: «В осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства. Она также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество и их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их

[22] См. сайт: «Страна RU».

[23] Там же.

[24] См.: Религия и СМИ // religare.ru

[25] Информационно-аналитический центр «Сова». 2006. 15 июня.

[26] Там же.

[27] *Остапенко Т.* Выступление У. Идрисова в «кривом зеркале» заместителя митрополита Кирилла // Ислам-Инфо.

гражданскую позицию»[28]. Призыв услышан – Православная церковь в полном объеме реализует свое численное преимущество и близость к власти.

История взаимодействия ислама и православия – это долгий путь, однако только в наши дни сложились благоприятные социально-политические условия для полноценного диалога религий по жизненно важным проблемам (их накопилось достаточно много), с которыми государство не справляется. В условиях отсутствия сформировавшегося гражданского общества религиозные организации могли бы взять на себя ответственность за улучшение морально-нравственного климата в обществе, гармонизацию этноконфессиональных отношений и т.д.

О необходимости налаживания межрелигиозного диалога рассуждает мусульманин, профессор философии колледжа Женевы и университета Фрибура (Швейцария) Тарик Рамадан. Многое вопросы, которые он поднимает в своей работе, актуальны и для межконфессионального диалога в России. Т. Рамадан подчеркивает двойную ответственность людей, вовлеченных в диалог между религиями, – жизненно важно, чтобы они играли роль посредников между партнерами по диалогу и их единоверцами. Это выслушивание другой стороны и в то же время выражение собственного убеждения, разъяснение собственного понимания религии. Действуя таким образом, участники диалога создают области доверия между различными традициями и открывают реальные горизонты для сосуществования, по крайней мере лучшего управления конфликтами[29].

«Потребность в межрелигиозном диалоге не подвергается сомнению, – отмечает Т. Рамадан, – но некоторые люди все еще не понимают его реальной ценности и предназначения. О чем он конкретно? Кто-то желает обратить кого-то? Можно ли быть вовлеченным в диалог без задней мысли? Каково реальное воздействие всех этих красивых слов об уважении и сосуществовании вместе, когда мы смотрим, как сторонники каждой религии ведут себя?.. Эти вопросы не могут просто быть спрятаны под ковром. Они имеют первичную важность, потому что, если на них не ясно и кратко отвечают, мы рискуем обрести внешне приятный диалог, который не устраняет недоверие и подозрение и, в конце концов, приведет никуда»[30]. Как отмечает Т. Рамадан, в Коране имеются не только признание необходимости диалога, но и наставления относительно формы, в которой он должен вестись. Это не должен быть просто обмен информацией, это должен быть путь общения и отношения: «Призывай на путь Божий мудростью и добрым увещанием»[31]; или: «Вступая в споры с получившими писание, держите себя прилично, исключая, если они будут люди нечестивые»[32]; «Бог не запрещает вам благотворить и поступать справедливо с теми, которые не вели с вами войны за веру и не изгоняли вас из домов ваших. Бог любит справедливых»[33]. Т. Рамадан делает вывод: «...если диалог необходим и если путь разговора сам по себе важен, мы, очевидно, призываемся установить отношения великодушия и правосудия со всеми, кто уважает нашу свободу совести и наше человеческое достоинство. Диалог – акт убеждения, выслушивания, самопонимания, самосознания и сердца: вместе эти качества составляют мудрость»[34].

Может быть, нехваткой мудрости объясняется отсутствие системы межконфессионального диалога в современной России. Судя по мнению специалистов по диалогам религий, мало надежды, что в ближайшем будущем мы наберемся мудрости для понимания необходимости решать назревшие проблемы между конфессиями не с помощью административных ресурсов, близости к власти и СМИ, а в процессе общения, диалога, пусть трудного и нелицеприятного, но диалога, который в конце концов должен привести к консенсусу.

Мало оптимизма в отношении диалога в рассуждениях профессора В. Шохина. В своей работе «Диалог религий: идеология и практика» он рассматривает историю возникновений «диалога религий», виды и типы диалогов, их цели и задачи, состояние и перспективы. Начинается статья с

---

[28] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень (Спецвыпуск). 2000. 8 авг. С. 21.

[29] Климин А.В. Межрелигиозный диалог в осмыслении исламского реформатора Тарика Рамадана // URL: http:// www.kds.tparhia.ru/publishing/sobesdnik/eleventwo/klimin/

[30] Цит. по: Климин А.В. Указ. соч.; Ramadan T. Western Muslim and the Future of Islam. N.Y., 2004. P. 272.

[31] Коран / пер. Д.Н. Богусловского. 16: 125.

[32] Там же. 29: 46.

[33] Там же. 60: 8.

[34] Цит. по: *Климин А.В.* Межрелигиозный диалог в осмыслении... // URL: http:// www.kds.tparhia.ru/publishing/sobesdnik/eleventwo/klimin/

констатации факта, что пока в нашей стране религиозный диалог не прижился. Не прижился – не значит, не нужен. Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих о необходимости межрелигиозного диалога. Примечательно, однако, что, как и многие его коллеги, В. Шохин находится в плену у стереотипов. «Прежде всего, это исламский фактор, – подчеркивает он, – который становится для российской политики все более актуальным, после чеченской войны в особенности. Этот фактор вполне показал свои большие возможности в качестве источника дезинтеграции Российской Федерации уже в настоящем, а в связи с возрастающей поддержкой зарубежным исламом российских мусульман значительно усилит свой "дезинтеграционный" потенциал в недалеком уже будущем»[35]. Словом, России угрожает внутренний ислам при поддержке внешнего ислама. По мнению профессора, российские политики в качестве противодействия процессу дезинтеграции попытаются использовать среди прочих средств и определенные формы христианско-исламского диалога, целью которого могут быть попытка «смягчения» разномыслия этих религий и акцентировка их «общих знаменателей».

Далее автор отмечает, что инициатива организации межрелигиозных диалогов может исходить и от тех противоположно направленных политико-идеологических сил, которых как раз не устраивает возможность интеграции, поскольку они видят в ней возрождение «тоталитарной империи», а исторически приоритетное положение в России Православной церкви их также не устраивает, поскольку она может по данной системе расчетов принять на себя функции «идеологии тоталитаризма и национализма». В скобках автор замечает: «Среди таких противников православия имеются и сами православные священнослужители, из коих некоторым несимпатично даже само слово православие, и они предпочитают ему "христианство с человеческим лицом"». В. Шохин прямо не говорит, о каких «политико-идеологических» силах идет речь (кто с кем должен интегрироваться и почему диалог должен предполагать интеграцию? – *Л.Б.*). Следующее рассуждение профессора проясняет его позицию: кто должен быть участниками диалога, точнее, кто не может быть: «Очевидно, что здесь также возможен интерес к межрелигиозному диалогу, который доказывал бы равенство всех религий и несостоятельность претензий православия на какие-либо приоритеты в сравнении с любыми (к любыми относится по логике и ислам. – *Л.Б.*), пусть даже самыми сомнительными, инорелигиозными миссионерскими образованиями, которые уже сейчас находят неизменную поддержку у либеральной журналистики»[38]. Если сказать очень коротко, то, по мнению профессора, право участия в диалоге религий заслуживают не все конфессии и деноминации.

По поводу опасения возрождения «тоталитарной империи». Разве мало в нашей стране среди православных священников и политиков, тех, которые устно и печатно говорят о возрождении православной русской империи, о том, что наша страна уже не многоконфессиональная и не многонациональная, а православная страна с этническими и религиозными меньшинствами? В этих условиях очень трудно будет смягчить разномыслие православия и ислама и акцентировать их «общие знаменатели».

В статье отмечается, что авторитетнейший специалист по «диалогу религий» Э.Дж. Шарп различает четыре основных его типа: «дискурсивный диалог», «человеческий диалог», «секулярный диалог», «внутренний диалог». В. Шохин подробно рассматривает все эти типы. По мнению профессора, «четвертый тип – "внутренний диалог"... Этот диалог более перспективен, чем другие, поскольку общепринятым убеждением все более становится то, что Бог открывает Себя в каждой религиозной традиции и что сущность религиозности лежит в мистическом опыте переживания единства индивида с Абсолютом».

В целом, как отмечает В. Шохин, Шарп останавливается на мнении, что и в понимании семантики «диалога религий», и в осмыслении его задач царят неопределенность и неясность. «Пессимистически он (Э.Дж. Шарп. – *Л.Б.*) оценивает и саму "практику" диалога, которая выражается в том, что предметом дискуссий является сам "диалог" и его актуальность – в гораздо большей степени, чем конкретные проблемы, предназначенные для "диалогических решений"». Будущее диалога зависит поэтому, по мнению Э.Дж. Шарпа, от того, насколько его участники смогут прийти к консенсусу и к реальному диалогу помимо «диалога о диалоге». И далее вместе с Э.Дж. Шарпом В. Шохин приходит к неутешительному выводу: «В самом деле, "гуманитарный" и "секулярный" диалоги фактически выпадают из определения "религиозного диалога" как такового. Диалоги же "дискускурсивный" и "внутренний" призваны решать задачи, которые по существу являются пробле-

[35] *Шохин В.* Диалог религий: идеология и практика // Альфа и Омега. 1999. № 1 (12); URL: http://www.orientalia.org/ article311.html

[38] Там же.

мами вполне теоретического религиоведения, то есть объективного, научного изучения религиозных мировоззрений по соответствующим первоисточникам, коему встречи самих носителей этих мировоззрений, преследующих, как правило, апологетические цели, могут не столько способствовать, сколько мешать... В итоге получается, что диалоги одной группы не являются религиозными, задачи диалогов другой группы разрешимы и вполне недиалогическими средствами (примеров тому немало. – *Л.Б.*), а все диалоги вместе имеют предметом своим сам диалог, а не то, что может в ходе его выясняться... Из этих посылок следует явное заключение, что существующие межрелигиозные диалоги смысла как такового не имеют»[39].

Автор во многом прав. Однако анализ сложившейся в современной России социальной и духовной жизни, состояние межконфессиональных, государственно-конфессиональных отношений показывает, что при всех своих недостатках, как по содержанию обсуждаемых проблем, так и по результатам, межконфессиональные диалоги необходимы. Об этом свидетельствуют, как уже отмечалось, ожесточенные споры, продолжающиеся вокруг попыток ввести в государственное школьное образование курс «Основы православной культуры», расширяющаяся сеть теологических факультетов и кафедр по специальности «Теология», «провалы» в прошлое в поисках не того, что нас объединяет, а того, что разъединяет. «Быть – значит общаться диалогически, – писал М.М. Бахтин. – Когда диалог кончается, все кончается. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия»[40].

Надо, чтобы все конфессии в нашей стране, в первую очередь православие и ислам, от декларирования своих социальных учений перешли к их реализации, объединили свои усилия для совместного решения наиболее острых социальных проблем общественного бытия. Для этого нужен диалог, в процессе которого можно выработать социальную программу и механизм ее реализации.

Общество и власть недооценивают диалог как общение участников равного достоинства, как приоритетный и универсальный принцип социально-политической и межконфессиональной жизни: необходимость вступления в диалог ставится зачастую в зависимость от эмоционально-субъективных оценок противной стороны, от исполнения навязываемых партнеру условий, в число которых включается главный содержательный вопрос диалога.

Как справедливо отметил в свое время М.А. Батунский, «...диалог можно вести лишь при условии признания за чужой религией, идеологией автономного онтологического статуса», т.е. равноправия, и, если «смотреть на ислам как на какую-то искаженную версию христианства, ставить ислам ниже христианства (или христианство ниже ислама. – *Л.Б.*) – это не диалог»[41].

Справедливо замечено, что диалог – это процесс балансирования между единством и отдельностью. Однако, сохраняя ценности своей конфессии, ее самобытность и неповторимые черты, надо быть готовым к формированию общих ценностей и смыслов. Ведь у христианства (православия), ислама и иудаизма общие духовные корни, которые должны помочь гармонизировать взаимоотношения, не отказываясь от своих ценностей, но и не навязывая их другим. Видимо, трудно монологически ориентированной конфессии перейти к равноправному диалогу.

В создавшейся обстановке в Российской Федерации диалог между исламом и православием выходит за рамки чисто межконфессионального и приобретает политическую значимость, а это означает, что: необходимость такого диалога – важная часть внутренней и внешней политики Российской Федерации[42]; инициатором, организатором и активным участником (третьей стороной) межконфессионального диалога (триалога) должна выступить власть, государство, имеющее прямое отношение к состоянию межконфессиональных контактов в стране. Очень точно сказано в «Новой газете» (по другому поводу): «...мы в России в последнее время все больше склонны к монологам, ну, на худой конец выдерживаем диалог, но триалог – это уж слишком, это ведь значит, кроме своего, надо услышать целых два мнения!». Но представители некоторой конфессии хотят вести и ведут диалог с третьей стороной напрямую, без второй стороны, – им она (вторая сторона) не нужна.

© Баширов Л.А., 2011

---

[39] Там же.

[40] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 434.

[41] «Круглый стол», посвящен 1000-летию крещения Руси (июнь 1988 г., Институт востоковедения АН СССР) // Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 82.

[42] Новая газета. 2007. 13–16 сент. № 70 (1290).